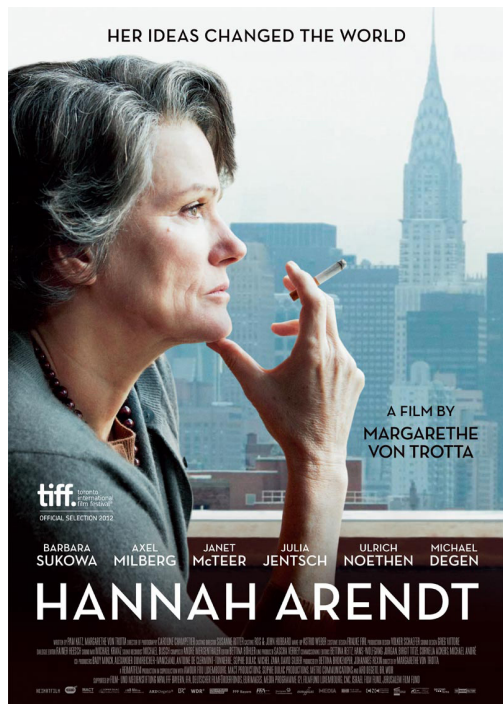

Изувер или функционер

«Ханна Арендт»

Германия, Люксембург, Франция, 2012, 110 мин.

Ханна Арендт (1906-1975) — выдающийся немецко-американский философ, автор фундаментальной книги «Истоки тоталитаризма». Фильм фокусируется всего на одном эпизоде из ее богатой событиями жизни. В апреле 1961 года Арендт (Барбара Зукова) прилетает из США в Израиль, чтобы по заказу журнала «Нью-Йоркер» написать статью о процессе над Адольфом Эйхманом. Анализируя каждое слово Эйхмана, она приходит к выводу, что этот человек, один из величайших преступников XX века, не Мефистофель, не чудовище, не воплощение всемирного зла.

Он — ничтожество и заурядный функционер, винтик в бюрократической машине Третьего рейха. Арендт не склонна относиться скептически даже к заверениям Эйхмана, что в душе он никогда не желал евреям плохого, не был антисемитом. Просто так карта легла, что по роду службы ему пришлось заниматься депортацией евреев в концлагеря (не уничтожением их там — он не раз подчеркивает на процессе, что этим занимались совсем другие лица, а исключительно депортацией!). Хороший немец — всегда хороший работник и верный властям гражданин; вот Эйхман и старался изо всех сил быть тем и другим.

Если контраст между ничтожеством Эйхмана и масштабом совершенного им зла поначалу поражал Арендт, то в итоге она пришла к заключению, что ничтожность и зло находились в соотношении не контраста, а причины и следствия: чем мельче, бездумнее человек, тем с большей вероятностью можно предположить, что он не остановится перед совершением даже

беспредельного зла.

Серия статей Арендт, напечатанных в «Нью-Йоркере», была воспринята евреями США и Израиля, а также либеральной общественностью с тем большим негодованием, что Арендт подчеркнула, что жертв Холокоста могло бы быть меньше, если бы лидеры европейского еврейства — главы всевозможных еврейских общин и юденратов — отказались сотрудничать с немцами. Это переполнило чашу терпения даже самых толерантных критиков, и таких людей вполне можно понять. Антифашистам, антитоталитаристам, и в особенности евреям среди них, хотелось, чтобы Арендт поменьше мудрила, а выразила бы скорбь по невинно убиенным и недвусмысленно сказала: «Эйхман — нацистский урод, собаке собачья смерть!» Но в том, что она написала, вообще не было личностных оценок. Цикл статей в «Нью-Йоркере» и написанная на его основе книга «Эйхман в Иерусалиме, или Банальность зла» — чистый анализ, въедливый, бесстрастный, бесслезный.

Парадокс, однако, состоит в следующем: то, что Арендт в итоге высказала, куда страшней, чем то, что желали бы услышать ее критики. Каждый, господа, каждый может стать убийцей: вы, я, ваш сосед, приветливо поднимающий шляпу на лестнице. Образцовый гражданин даже скорее станет им, потому что он, скорее всего, конформист, а таковой всегда готов исполнить любое повеление партии и правительства. Проверить, кто как себя поведет в темные времена, очень трудно, но если уж проводить такой тест, то надо брать пробу не на высоту поднятия шляпы, а на способность независимо мыслить, на чувство собственного достоинства, упрямство и смелость. Надо ли удивляться, что добрые люди ополчились против Арендт? Кому приятно услышать, что у тебя все впереди и ты еще можешь стать негодяем? Все-таки хочется верить, что хорошее воспитание, значок диплома на пиджаке, благотворительная деятельность и регулярное или даже нерегулярное посещение храма дают гарантию от коллапса морали независимо от величины на нее, мораль твою, давления. Фрейд и прочие психоаналитики лечили людей от неврозов, а невроз, он тогда и возникает, когда интеллигентный человек вдруг осознает какую-либо подлость в себе и, не в силах с ней примириться, загоняет это осознание в подсознание. И вот появляется некий аналитик-антипсихоаналитик, который грубо тычет тебя носом в твою потенциальную подлость!

До сих пор я говорил столько же о фильме, сколько о реальной Ханне Арендт, ее работе о процессе над Эйхманом и реакциях на эту работу. Теперь скажу о самом фильме. Он несколько странен.

Для сочувствия к герою произведения, борющемуся за некую идею, мы должны сочувствовать самой идее. Прометей похитил огонь у богов, чтобы отдать его людям, — мы, люди, греемся у огня — поэтому мы на стороне Прометея и против богов, приковавших его к скале. Гамлет решил отомстить за убийство отца — мы понимаем, что он правильно делает — поэтому сочувствуем ему.

Однако идея Ханны Арендт о том, что Эйхман не монстр, спорна. Арендт как аналитик поведения и дискурса Эйхмана могла попросту ошибаться: на всякого мудреца довольно простоты. Вот что, например, говорит писатель Александр Мелихов в своей статье «Банальность сверхчеловечного» (журнал «Звезда», №12, 2013): «Эйхман воодушевлялся сверхчеловеческими целями и

только на израильском процессе столь искусно изобразил этакого завхоза, «винтика», которому все равно, что возить — дрова для домашних печей или евреев для печей Освенцима, что внушил Ханне Арендт ложную доктрину банальности зла».

Еще более спорны упреки Арендт в адрес еврейских лидеров. Если начать конкретно разбираться, то можно, я не сомневаюсь, установить, что ими часто двигала надежда как-то сторговаться с немцами, некое число людей спасти. Глава юденрата Варшавского гетто Адам Черняков, узнав, что немцы планируют массовую депортацию в Трешлинку, покончил с собой. Тут еще надо добавить: Арендт признается в фильме своему мужу, что она не любит еврейский народ или Израиль, как не любит никакой народ или страну, а любит только отдельно взятых людей. После такого признания патриотам Израиля становится уж совсем трудно согласиться с философией Арендт — им скорее может прийти в голову, что она просто бессердечный человек.

Чтобы доказать, что это не так, что Ханна принципиальна, но вовсе не лишена эмоций, режиссер фильма Маргарет фон Тротта уделяет много внимания ее теплым отношениям с мужем, хотя отношения эти, как обнаруживается в конце картины, не играли в ней никакой драматургической роли и были показаны просто для «смягчения» образа героини. Но убедившись, что Ханна — Барбара Зукова — вполне «нормальный» человек, мы еще меньше способны постичь ее стальную беспощадность.

Заключение: фильм «Ханна Арендт» может трактоваться по-разному: как трагедия героической личности или притча о противостоянии надменного упряма миру. Двойственность всей этой истории, однако, не явилась для фон Тротта объектом художественного исследования, а осталась на уровне простой невнятности. В таком случае, этому фильму лучше было бы быть не художественным, а документальным. Документалистика, в отличие от игрового кино, не нуждается в большей ясности, чем простая ясность изложения; ей не требуется никакой иной достоверности сверх достоверности собственного материала. Фильм фон Тротта кажется разыгранной актерами иллюстрацией к подлинным событиям. Фон Тротта претендует на художественность, но, на мой взгляд, не вполне достигает ее из-за отсутствия в фильме психологических мотивировок и последовательной концепции.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»

<http://bakino.at.ua>